

целью, «чтобы перевод сей походил как бы на Русское сочинение» [9, с. IV]. Основную цель этих преобразований он формулировал иначе, чем его предшественник. Она состояла не в прямолинейном повышении дидактического эффекта произведения на новой почве, не в «присвоении» французской пьесы родной литературе, а в том, чтобы при всех изменениях сохранить сходство с подлинником в общем впечатлении: «То ли чувствование по прочтении перевода в нас производится, какое желал возбудить Сочинитель своим сочинением?» [9, с. IV]. С большей степенью обобщения аргументировалась и необходимость русификации имен и социального статуса действующих лиц пьесы. Например, французского *laboureur* он не перевел ни «крестьянином», ни «земледельцем», потому что «читатель при сем слове не получит никакого понятия». Наилучшим вариантом перевода стало слово «однодворец», так как «он (однодворец) может спорить с знатым господином; крестьянин его с ним судиться не может». И дальше следовало очень тонкое и верное обобщение: «Французского крестьянина как ни представляй, мы всегда смотрим на него через сравнение с русским крестьянином» [9, с. VI—VII]. Отступление от оригинала обусловлено несовпадением фоновых знаний у французского и русского читателя.

Но основным содержанием ПСНН на новом этапе становятся языковые проблемы. Лабзин ставит вопрос о передаче формул словесного этикета. Он призывает придерживаться русским норм обращения: «Что терпит французский язык, то очень часто несносно для русского; а переводчика и попечение все должно быть о том, чтобы всю силу чужого языка перенести на свой» [9, с. IV], поэтому он призывает последовательно заменять *Monsieur* на требуемое русским этикетом «Ваше Благородие», «Ваше Сиятельство» и т. д.

Не следует бездумно копировать и многословие учтивой французской речи, ее перифразы и формулы вежливости. «Чужестранные изъяснения мыслей, — писал Лабзин, — вертеть на свой язык я за должность переводчика не почитаю, и, может быть, переводя таким образом, я бы больше отдалился от оригинала» [9, с. IV]. Переводчик отвергает буквализмы типа: «с сими благородными и щедрыми чувствованиями, но немножно слишком далеко распространенными...» [9, с. IV]. Он настаивает на замене естественной французской речи естественной же русской. При этом, конечно, словесная близость с подлинником будет нарушаться. В качестве иллюстрации приводится перевод реплик, которыми обменивается жена с мужем, когда застаёт его проводившим всю ночь за работой: «*Toujours le même, mon mari? — Déjà levée, ma chère femme? — Déjà.*» — «Всегда одинаков, мой супруг? — Уже ты встала, любезная жена? — Уже». Буквальный перевод утрачивает естественность речи любящей жены. Лабзин считает нужным изменить порядок слов. В русском языке в ответе на вопрос «приличнее и обыкновеннее повторить действие или качество, т. е. то слово, которое важнее прочих в речи», а во французском «по большей части за все отвечает одно „да“ или „нет“». На вопрос: встала ли ты? Мы отвечаем: „Встала...“, а француз: „Да“» [9, с. V—VI]. Борясь за естественность переводных реплик, Лабзин обращает внимание на особенности порядка слов в двух языках и даже пытается сформулировать, говоря современным языком, одно из правил актуального членения.

Итак, на новом этапе ПСНН приобретает несколько иное содержание. От рассмотрения проблем, связанных с несовпадением культур и фоновых знаний у носителей ИЯ и ПЯ, он постепенно переходит к чисто языковым вопросам, оправданию формальных отступлений от подлинника, обусловленных многоаспектными различиями контактирующих языков.

С некоторым отставанием о важности проблемы фоновых знаний начали писать и сторонники точного перевода. В 1787 г. И. Захаров, автор теоретических статей и переводчик, так формулировал обязанности переводчика: «Перебороть все препоны, проистекающие от недостатка исторических извещений или от неведения старинных поверий, или от искажения древнего писания, или от особых языку каждого народа свойственных наречий» [10, с. 73].